

РЕЦЕНЗИИ

«Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen», hrsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Institut für deutsche Sprache und Literatur, I—V, — Berlin, Akademie-Verlag, 1964—1967. 1307 стр.

Теория канцелярского происхождения немецкого национального языка, выдвинутая в свое время М. Мюлленгофом, обоснованная К. Бурдахом и широко распространенная в германистике в первые десятилетия нашего века, была, как известно, подвергнута убедительной критике прежде всего со стороны одного из виднейших представителей немецкой лингвистики Т. Фрингса. Стремясь вскрыть основу, той формы языка канцелярий, которая оказывается близкой к языку Лютера и новонемецкой норме, Т. Фрингс находит такой базис в народно-разговорной речи восточнонемецких территорий, а именно в мейссенском колониальном диалекте. «Ясно различим путь, — пишет он, — который ведет от языка поселенцев к языку писцов, к Лютеру и к новонемецкому литературному языку»¹. При этом он еще в 1936 г. наметил сферы (Sprachschichten), в которых протекал процесс выравнивания, что должно было объяснить наличие в новонемецком не только средненемецких, но и южнонемецких элементов. В определении Р. Гросса, на которое ссылается сам Т. Фрингс, эти сферы характеризуются следующим образом: «Мы различаем три формы наддиалектного языка общения, которые следуют друг за другом во времени:

1. Колониальный нивелированный язык (koloniale Ausgleichssprache), возникший в период поселения путем смешения и выравнивания диалектов...

2. Язык делового общения (Geschäfts- und Verkehrssprache) позднего средневековья, имеющий явную майнско-франкскую основу, который оформляется в ходе развития городов и вносит в местную речь известные новшества.

3. Верхнесаксонский обиходный язык (Umgangssprache), который появляется после укрепления новонемецкого языка в результате взаимодействия этого последнего, уже известного всем, и диалекта»².

Эти положения требовали, прежде всего, дальнейшего теоретического обоснования и, кроме того, исследования конкретных путей развития тех или иных форм языка. Только таким образом удалось бы построить фундаментально документированную и полную историю немецкой национальной нормы. При решении этих вопросов встретились интересы немецких и советских германистов, что привело к координации исследовательских работ Немецкой Академии наук в Берлине и Института языкознания АН СССР.

Для публикации новых исследований в этом направлении Институт немецкого языка и литературы Немецкой Академии наук начал в 1964 г. издание специальной серии под названием «Материалы для построения истории новонемецкого языка» («Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen»). Позднее, с 1967 г. серия включается в труды указанного института под литерой В³. Фрингс формулировал задачу этой серии в следующих словах: «В ней должно изучаться и документироваться становление единого немецкого языка. Хотя уже можно указать на некоторые хорошие работы в этой области, существует необходимость точнее проследить этот процесс по материалам письменных памятников»⁴. До настоящего времени было издано пять томов этой серии. Первый и последний из выпущенных томов содержат несколько сокращенный и вместе с тем переработанный с учетом новых публикаций перевод хорошо известного

³ М. М. G u c h m a n n, Der Weg zur deutschen Nationalsprache, 1, Berlin, 1964; G. K e t t m a n n, Die kursächsische Kanzleisprache zwischen 1486—1546, Berlin, 1967; E. S k a l a, Die Entwicklung der Kanzleisprache in Eger 1310 bis 1660, Berlin, 1967; P. S u c h s l a n d, Die Sprache der Jenaer Ratsurkunden, Berlin, 1968; М. М. G u c h m a n n, Der Weg zur deutschen Nationalsprache, 2, Berlin, 1969.

⁴ «Bausteine...», I, Zum Geleit.

¹ Th. Frings, Sprache und Geschichte, III, Halle (Saale), 1956, стр. 5.

² Там же, стр. 190.

советским лингвистам труда М. М. Гухман «От языка немецкой народности к немецкому национальному языку», т. I и II, вышедшие в Москве соответственно в 1955 и 1959 гг. В остальных трех томах появились работы Г. Кеттмана о языке канцелярии саксонского курфюрста в период между 1486 и 1546 гг. Э. Скалы о развитии языка канцелярии в г. Эгере (1330—1660) и П. Зуксланда о городских грамотах Йены (1317—1525).

В появившихся уже томах мы, с одной стороны, находим, как это явствует из их названий исследования определенного круга письменных источников, с другой стороны, обобщающие труды, которые наряду с конкретным анализом содержат общелингвистические построения и выводы. К последним относятся обе книги М. М. Гухман. Первая из них посвящена анализу языковых отношений эпохи создания немецкой народности и является как бы отправным пунктом для второй книги, которая уже непосредственно связана с общей темой серии. Советский читатель уже достаточно знаком с этой работой по русскому оригиналу и по напечатанным у нас и за рубежом рецензиям⁵. Мы ограничимся здесь поэтому самой общей характеристикой указанной работы, основной целью которой было исследовать роль литературного языка в его различных вариантах в становлении и распространении нововерхне-немецкой национальной формы. В результате анализа многочисленных памятников, частично оставшихся вне поля зрения прежних исследователей, автор строит свою гипотезу, которая выражена в следующей формулировке: «Процесс выработки единого немецкого литературного языка связан, прежде всего, с распространением восточносредне-немецкого варианта литературного языка за пределы Тюрингии и Саксонии»⁶.

Надо сказать, что М. М. Гухман удалось показать важную роль языка литературы в деле единения немецкого языка, что обогащает наши представления как о сложном ходе развития его в Германии XIV—XVI вв., так и об образовании национальных языков вообще. В более правильном свете выступает в ее трактовке и роль Мартина Лютера. Полученные автором результаты дополняют и расширяют ту картину развития, которая представлена в цитированной выше Фрингесовской схеме. Остается, правда, неясным в концепции М. М. Гухман, как она мыслит себе конкретный лингвистический процесс, в результате которого

региональный литературный вариант языка отрывается от своей базы — местных диалектов. Ведь элемент обработки, наличный в письменной разновидности языка, на который указывает автор книги, едва ли можно отнести за счет произвола пишущего (автора произведения или переписчика).

И в работе М. М. Гухман, и в трудах Т. Фрингеса, Х. Баха, Л. Шмитта, Х. Беккера и других в достаточной степени обрисована многоступенчатость процесса создания немецкого единого языка, разнообразие и перекрещивание факторов, его обусловивших, а также некоторые конкретные пути, по которым он шел. И все же до сих пор не до конца выяснен чисто языковой механизм, который определил отбор одних из конкурирующих явлений и отбрасывание других; иначе говоря, механизм языкового выравнивания. Чтобы показать, почему одни диалектные признаки возобладали над другими, нужно было, по-видимому, предпринять дополнительные исследования и обратить пристальное внимание на язык самых разнообразных источников и, в первую очередь на те из них, которые больше всего могли бы отражать реальное бытование немецкой речи в ранне-нововерхне-немецкой период.

Именно в этом и заключается основная ценность исследований, представленных в остальных трех томах рецензируемой серии. Труды Г. Кеттмана, Э. Скалы и П. Зуксланда построены на сплошном и детальнейшем анализе обширного архивного материала деловых документов и переписки различного содержания, которые до сих пор обследованы не были. Выполнение работ такого рода, требующее затрат огромного высококвалифицированного труда, несомненно, может быть выполнено только силами немалого коллектива, ориентирующегося на одну цель.

Все три тома сходны, естественно, по своей композиции, и читатель найдет в них сведения о документах, послуживших источником исследования, об архивах, где они хранятся, и о писцах — исполнителях текстов. Введения в книгах указывают на цель и методику работы; заканчиваются книги выводами автора из проанализированного материала и обобщающими замечаниями. Основная часть каждой книги представляет собой подробное описание статуса языка документов в сравнении с исходными средне-верхне-немецкими формами, как это принято в немецкой диалектологической традиции. Описание ведется по основным аспектам языка (орфография, фонетика, морфология и др.); правда, у разных авторов и состав этих аспектов, и степень полноты их описания различны.

Книга Г. Кеттмана посвящена языку канцелярии саксонского курфюрста; хотя Лютер и ссылается на этот язык, как на

⁵ См.: А. М и р о н о в, ИАН ОЛЯ, 1961, 3, стр. 243; «Zeitschrift für Mundartforschung», Jg. XXXIII, 3/4, 1966, стр. 311—314.

⁶ М. М. Г у х м а н, указ. соч., Тл. 2, стр. 159.

свой образец, он исследован далеко недостаточно. Последнее относится особенно к первым десятилетиям XVI в., т. е. к эпохе, в которой жил и творил Лютер. Именно эта эпоха особенно важна для того, чтобы можно было представить себе ясную картину языковой действительности, по крайней мере в ее письменной форме. Избранные автором хронологические рамки исследования определяются судьбой Эрнестинского курфюршества, которое возникло в 1485 г., а в 1546 г. прекратило свое существование, с чем были связаны и известные изменения в территориальных владениях. В качестве материала Г. Кеттман использовал неопубликованные документы, хранящиеся в архивах и библиотеках ГДР. По содержанию — это большей частью письма курфюрстов различным лицам и учреждениям, кроме того, — договоры, расписки и т. п.

Книга Г. Кеттмана выделяется среди других тем, что автор очень подробно останавливается на характеристике писцов (около 40), сменявшихся на протяжении изучаемого им периода и различавшихся иногда по диалектной принадлежности, а также на организации самой канцелярии (стр. 39—68). Это позволяет обнаружить известные хронологические «проги» в развитии орфографических приемов в сторону приближения к новонемецкой норме. «Каждая значительная смена персонала, — пишет он, — совпадает с ощутимыми изменениями в орфографии» (стр. 309).

Интересно у него и последовательное сопоставление данных по канцелярии курфюрста с тюрингенско-саксонской письменной традицией, что дает возможность обнаружить разные уровни нормализации речи. Такие сопоставления автор делает и попутно при изложении конкретного материала, а затем в суммированном виде излагает их в обширном заключающем разделе (стр. 279—297). Местная письменная традиция характеризуется, например, большим удельным весом диалектных особенностей и меньшей пронитаемостью в отношении южнонемецких элементов и орфографических новшеств (*Modeströmungen*). «Рассмотренный как целое, язык канцелярии представляет собой в фонетическом отношении тип письменной речи, в основном схожий с новонемецким» — заключает Г. Кеттман (стр. 308).

К сожалению, в книге наблюдается непропорциональность разделов фонетико-орфографического и морфологического описания. Специально последнему отведено всего десять страниц; упоминание же некоторых морфологических явлений в связи с их написанием, которое мы находим в ряде параграфов фонетического раздела, отнюдь не компенсирует указанного недостатка.

В этом отношении выгодно отличается

от работы Кеттмана книга Зуксланда, где морфологическому и фонетическому аспектам отведено почти равное место. Это дает возможность судить с известной полнотой о явлениях морфологического выравнивания, не менее важных, чем фонетические явления, о дублетных формах, колебаниях, контаминациях и т. п.

П. Зуксланд начинает свою книгу с введения, которое содержит главным образом изложение его методов работы над архивными материалами, показывающих осторожность и тщательность исследователя. Рассматривая в основной части весьма значительный период (более 200 лет), автор наблюдает и большие сдвиги в развитии языка. В своих выводах он, по-видимому, не без основания, говорит о трех различных фазах эволюции языка городской канцелярии Йены. То, что предшествующим исследователям вследствие недостаточного охвата материала представлялось как «сосуществование» (*Nebeneinander*), на деле представляет собой эволюцию (*Nacheinander*), ср. стр. 246. Характеризуя эту динамику, автор пишет: «Развитие языка йенской канцелярии отражает на частном примере (*auf schmaler Basis*) путь к национальному литературному языку. Писцы явно стремились к освобождению письменного языка от элементов колониального койне (*koloniale Ausgleichsprache*) крестьян-поселенцев, воспринимаемых как грубодиаектные» (стр. 246). В целом выводы автора строятся в соответствии с указанными выше положениями Т. Фрингса.

В конце книги П. Зуксланд дает таблицу фонетико-орфографических соответствий между средневерхненемецким языком и языком обследованных им памятников и обратную таблицу, построенную от времени написания документов (XIV—XVI вв.) к средневерхненемецкому. Эти таблицы сделаны тщательно и очень иллюстративны, так как позволяют читателю взглянуть на развитие как бы с двух противоположных точек зрения.

Книга Э. Скалы представляет особый интерес, потому что исследует язык канцелярских документов г. Эгера (ныне Хеб), находившегося на южной диалектальной территории (севернобаварский диалект). Первый раздел его книги (стр. 25—74) посвящен периоду с 1310 г. (появление первых документов на немецком языке) до 1500 г. (начало литературной деятельности Лютера) и дан в виде резюме, которое базируется на материалах диссертации М. Новак, оставшейся неопубликованной⁷. Следующая часть (стр. 75—290) содержит результат анализа ряда архивных, а также опубликованных материалов весьма разнообразного

⁷ M. N o w a k, Zur Kanzleisprache Egers im XIV und XV Jahrhundert, Prag, 1929—1930.

содержания [хроники г. Эгера, протоколы допросов, книги расходов, различные регистры, распоряжения и пр.). В ней представлено описание как фонетики, орфографии, так и морфологии. Кроме того, у Скалы, в отличие от его коллег, имеются небольшие разделы о лексике и синтаксисе. С тонкостью наблюдения и тщательностью в его описаниях собран ряд интереснейших фактов из самых разнообразных сфер языка; ср., например, варианты написания топонимов (стр. 194), неорганические согласные (стр. 118), формы склонения имен собственных личных (стр. 196), семантика и употребление союзов (стр. 262), лексические дублеты (стр. 268) и мн. др.

В своих выводах Скала подчеркивает, что с середины XV в. типичные баварские признаки все более исчезают и к 1500 г. наддиалектные написания получают широкое распространение. Достигнутое к 1500 г. схождение с лютеровским языком он не приписывает влиянию последнего, а напротив, энергично его отрицает, полемизируя в этом отношении с Х. Бахом (стр. 295). На стр. 305 он пишет: «В 1500 г. налицо уже все написания, которые появляются у Лютера только после 1522 г. Так же и в морфологии и синтаксисе уже к 1500 г. достигнут „лютеровский статус“». И далее: «Диалектные написания составляют после 1500 г. значительно менее 1% случаев. В области с такими ярко выраженными диалектными чертами этот факт ярко свидетельствует об упрочении наддиалектной „среднеюжнотемской письменной традиции“». В свете сказанного остаются, правда, непонятными довольно обильные примеры сравнительно поздней датировки, в которых зафиксированы типичные южнотемские и специально баварские особенности. Примером может служить смешение написаний *u* и *v*, свидетельствующее о непротивопоставленности смычного и щелевого в разных позициях (стр. 114, 142), или дифтонгические написания старых *uo*, *ue* (стр. 106 и сл.)

Все рецензируемые книги производят несомненно положительное впечатление. Наряду с этим, разумеется, в них, как во всяком большом и сложном труде, можно заметить и известные недочеты и промахи или спорные и неясные положения. Некоторые из них отмечены в настоящей рецензии по ходу изложения. Нам остается еще сделать только некоторые общие замечания критического характера.

Вызывает сожаление, что в книгах Зуксланда, Скалы и Кетмана, за единичными исключениями, не приведены статистические данные. Указания, которые время от времени появляются в тексте, типа: «часто», «редко», «чаще» и «реже» из-за их неопределенности и отсутствия абсолютных цифр имеют весьма

относительную ценность. Вместе с тем точные количественные данные, собранные воедино при продолжении серии, дали бы бесценный материал для решения целого ряда вопросов, в частности, хотя бы для прояснения картины аналогического выравнивания системы форм и т. п. Э. Скала оправдывает отсутствие статистических данных следующим образом: «При обработке материала этой книги, в связи с его гигантским объемом, не могли быть применены статистические методы» (стр. 20). Однако именно величина анализируемого массива делает выводы лингвостатистики достоверными. Казалось бы, при уже продланной колоссальной работе, подсчет результатов и указание количественных характеристик напрашивался сам собой.

В качестве другого, общего для рассматриваемых работ недочета, можно назвать построение разделов морфологии. Они, как и фонетические, подают материал диахронически, отправляясь от предшествующего состояния языка. Для фонетического аспекта описание звукового состояния языка в исследуемых документах, исходящее от фонетики средневерхненемецкого языка (например: ср.-в.-нем. *ā*, *ū* и т. п. отражаются так-то или так-то), можно считать оправданным не только диалектологической традицией, но и по существу. Для описания же состава форм дело обстоит совсем не так. Авторы исходят, например, для имен существительных из понятия основ (основы на *-a*, на *-ō* и т. п.), в то время как уже в средневерхненемецком нельзя говорить о какой-либо группировке такого рода. В результате описание превращается в перечисление тех или иных наличных форм по старой, уже давно изжившей себя схеме.

Плодотворной представлялась бы попытка установить имеющуюся систему парадигм; конечно, в такой системе не было бы стройной «чистоты», поскольку она в то время только создается, но именно расплывчатость парадигматических очертаний, их «размытость» наглядно продемонстрировала бы процесс в его динамике.

Отход от синхронного, системного описания заметен и в некоторых частностях: так, П. Зуксланд находит возможным безапелляционно относить оди формы прилагательных без окончаний к кратким формам их (ср. стр. 168, 169), другие же — к апокопированным (ср. стр. 166). Вместе с тем, с точки зрения данных текстов, и те и другие равноценны и свидетельствуют об очень широком распространении в определенный период развития немецкого языка нефлектированного атрибутивного прилагательного при имени в различных падежах обоих чисел. Если даже согласиться, что в данном случае, и у ж н о вносить в синхронное описание диахронические соображения, то

непонятно, как это можно с уверенностью сделать. Э. Скала осторожно и справедливо замечает по этому поводу: «В какой мере в примерах с несклоняемыми формами дело идет о действительно нефлектированных формах или о часто встречающихся в языке канцелярии Эгера апокопе окончаний, не всегда точно можно решить» (стр. 202; ср. также стр. 205).

Можно было бы высказать еще пожелание, чтобы рассыпанные по ходу изложения дублетные формы разного рода были специально выделены и отдельно проанализированы. Ведь именно в дублетах обнаруживается конкуренция как в отношении фонетического облика слов, так и в их морфологическом оформлении, столь существенная для выработки окончательного стандарта.

Впрочем, нужно оговориться, что, как известно, претензии рецензентов в отношении того, чего в книгах нет, практически не имеют границ. И если подобные претензии относятся к столь обстоятельным и добросовестным трудам, о которых идет речь, то они никак не могут умалить их значения.

Слово *Bausteine* означает «строительный материал». Нам представляется, что рецензируемая серия «*Bausteine zur Sprachgeschichte des Neuhochdeutschen*» должна оправдать свое наименование и дать надежный фундамент для построения полностью документированной истории немецкого национального языка. На базе детального и строгого использования реальных источников возникает картина, во многом подтверждающая уже имеющуюся, частично ее корректирующая и объясняющая то, что до сих пор представляется не полностью ясным.

Однако не только этому сможет послужить рассматриваемая серия. Она должна дать материал для создания подробной грамматики ранненововерхнемец-

кого периода⁸. Синхронное описание системы грамматического строя этого времени представляет глубокий интерес не только в связи с общим ходом развития языка в Германии, но и как самостоятельный объект. Систематическое изложение сложных языковых отношений, характеризующих этот период, несомненно будет весьма поучительным и в общелингвистическом плане. Вместе с тем, такое систематическое изложение предполагает предварительную подробную дескрипцию. Описания, аналогичные рассмотренным в рецензии, будучи расширенными как в смысле охвата географических точек на лингвистической карте, так и в смысле пополнения описываемого материала (в частности, проблем синтаксиса) станут и здесь «кирпичами» в стройке.

Материалы серии позволяют читателю задуматься и над рядом частных вопросов, как, например, взаимоотношение нормы и диалекта. При работе над отдельными темами те или иные исследователи найдут здесь возможность позаниматься свежими языковыми данными, поскольку все книги серии «*Bausteine*» содержат богатейший фактический материал.

Мы считаем поэтому, что несмотря на отдельные отмеченные нами недочеты и пробелы, публикация рецензируемых работ является серьезным вкладом в немецкую филологию, за которой германисты самых разных стран будут благодарны авторам, редактору и организаторам серии «*Bausteine*». Хотелось бы пожелать, чтобы публикация следующих томов не заставила себя долго ждать.

Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева

⁸ До сих пор германистика располагает только одной и притом незаконченной грамматикой этого периода (V. M o s e r, *Frühneuhochdeutsche Grammatik*, I, 1—3, Heidelberg, 1929—1959), что не может удовлетворить ее потребностей

И. Нѣмц. Vývojové postupy české slovní zásoby.—Praha, Academia, 1968. 192 стр.

За последнее время возрос интерес к изучению системных отношений и изменений в лексике, но лишь немногие исследования в этой области охватывают большой лексический материал и длительный период истории языка. Тем больший интерес представляет труд И. Немца, в котором прослеживаются системные изменения в чешской лексике, начиная с первых письменных фиксаций и до настоящего времени. В основе монографии лежит богатый фактический материал, содержащийся в карточках словарей древнего и современного чешского языка, и

опыт многолетней работы автора в Институте чешского языка АН ЧССР в качестве лексикографа и редактора.

Большой фактический материал исследования упорядочивает оригинальная методологическая концепция, которая определяет логическое построение книги. В то же время автор не пренебрегает и традиционными методами — как в подходе к материалу, так и в теории.

Книга состоит из трех глав, вводной теоретической части и резюме (на чешском и английском языках). Новый подход к проблеме изменений в лексике обоснован